

Храм Вознесения Господня в Сатино-Русском г. Москвы
Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)

ВЕСТНИК ПРИХОДА

№ 44-21 (24 октября 2021 года)

www.satino-hram.ru

Неделя 18-я по Пятидесятнице.

Апостольское чтение на Литургии

2 Кор., 188 зач., IX, 6 – 11.

Братия, ⁶При сем скажу: кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет. ⁷Каждый *уделяй* по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог. ⁸Бог же силен обогатить вас всякою благодатью, чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело, ⁹как написано: расточил, раздал нищим; правда его пребывает в век. ¹⁰Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей, ¹¹так чтобы вы всем богаты были на всякую щедрость, которая через нас производит благодарение Богу.

Евангельское чтение на Литургии

Лк., 30 зач., VII, 11 - 16.

¹¹После сего Иисус пошел в город, называемый Наин; и с Ним шли многие из учеников Его и множество народа. ¹²Когда же Он приблизился к городским воротам, тут выносили умершего, единственного сына у матери, а она была вдова; и много народа шло с нею из города. ¹³Увидев ее, Господь сжалился над нею и сказал ей: не плачь. ¹⁴И, подойдя, прикоснулся к одру; несшие остановились, и Он сказал: юноша! тебе говорю, встань! ¹⁵Мертвый, поднявшись, сел и стал говорить; и отдал его *Иисус* матери его. ¹⁶И всех объял страх, и славили Бога, говоря: великий пророк восстал между нами, и Бог посетил народ Свой.

Святитель Феофан Затворник. Мысли на каждый день года

(Лк. 7, 11-16) Видит Господь мать плачущую о смерти сына и милосердует о ней; в другой раз позван был на брак, и сорадовался семейной радости. Этим показал Он, что разделять обычные житейские радости и печали не противно духу Его. Так и делают христиане истинные, благоговейные, со страхом провождающие жизнь свою. Однако, они различают в житейском быту порядки от порядков, ибо в них много вошло такого, на чем не может быть Божия благоволения. Есть обычаи, вызванные страстями и придуманные в удовлетворение их; другими питается одна суетность. В ком есть дух Христов, тот сумеет различить хорошее от дурного: одного он держится, а другое отвергает. Кто делает это со страхом

Божим, того не чуждаются другие, хоть он и не поступает подобно им, ибо он действует всегда в духе любви и снисхождения к немощам братьев своих. Только дух ревности меру преходящий колет глаза и производит разлад и разделение. Такой дух никак не может удержаться, чтоб не поучить и не обличить. А тот заботится лишь о том, чтобы себя и семью свою учредить по христиански; в дела же других вмешиваться не считает позволительным, говоря в себе: "кто меня поставил судьей"? Такою тихостью он располагает к себе всех и внушает уважение к тем порядкам, которых держится. Всеуказчик же и себя делает нелюбимым и на добрые порядки, которых держится, наводит неодобрение. Смирение в таких случаях нужно, христианское смирение. Оно источник христианского благоразумия, умеющего хорошо поступать в данных случаях.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ ОТЦЕВ VII ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА

СЕДЬМОЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР (также известный, как Второй Никейский Собор) был созван в 787 году, в городе Никее, при императрице Ирине (вдове императора Льва Хозара), и состоял из 367 епископов, представлявших в основном восточную часть церкви, и легатов папы римского. Собор был созван против иконоборчества, возникшего за 60 лет до Собора, при византийском императоре Льве Исавре, который, желая устранить препятствия к мирному соседству с мусульманами, считал необходимым упразднить почитание икон. Это течение продолжало существовать и при сыне его Константине Копрониме и внуке Льве Хозаре. В Православной церкви память святых отцов Седьмого Вселенского собора совершается в воскресенье, приходящееся на конец 1-й декады или начало 2-й декады октября (по юлианскому календарю). Открытие Собора было назначено в Константинополе на 7 августа 786 года. Приехавшие в столицу епископы-иконоборцы ещё до открытия Собора начали вести переговоры в гарнизоне, стараясь заручиться поддержкой воинов. 6 августа перед храмом Святой Софии прошёл митинг с требованием не допустить открытия Собора. Несмотря на это, Ирина не стала изменять назначенной даты, и 7 августа в храме Святых Апостолов Собор был открыт. Когда начали зачитывать святыя писания, в храм ворвались вооружённые воины, сторонники иконоборцев: «Не допустим», — кричали они, — «чтобы вы отвергли догматы царя Константина; пусть будет твердым и непоколебимым то, что на своем соборе он утвердил и законоположил; мы не допустим, чтобы в храм Божий вносили идолов (так они называли святыя иконы); если же кто осмелится не повиноваться определениям собора Константина Копронима и, отвергая его постановления, станет вносить идолов, то сия земля обогрится кровью епископов.» Епископам, поддерживающим Ирину, ничего не оставалось, как разойтись. Пережив неудачу, Ирина приступила к подготовке созыва нового Собора. Под предлогом войны с арабами императорский двор был эвакуирован во Фракию, а верный иконоборцам гарнизон отправлен вглубь Малой Азии (якобы навстречу арабам), где ветеранам дали отставку и выплатили щедрое жалование. Константинополь был передан под охрану другой по составу гвардии, завербованной из Фракии и Вифинии, где взгляды иконоборцев не получили распространения. Завершив подготовку к Собору, Ирина не решилась вновь проводить его в столице, а выбрала для этой цели отдалённую Nikeю в Малой Азии, в которой в 325 году состоялся Первый Вселенский собор. В мае 787 года Ирина вновь разослала приглашения с просьбой прибыть на Собор в Nikeю. Состав делегаций практически не изменился. От Рима были те же легаты; трёх восточных патриархов, не имевших возможности приехать из-за войн с арабами, представляли их синкелы Иоанн и Фома. Всего, по различным оценкам, на Соборе присутствовало 350—368 иерархов, но число подписавших его Деяние составило 308 человек. Седьмой Вселенский Собор открылся 24 сентября и продолжался месяц. Императрица Ирина лично не присутствовала в Никее, её представлял комитет Петра и начальник штаба Иоанн. Собор провёл 8 заседаний, только последнее из которых состоялось 23 октября 787 года в Константинополе в присутствии Ирины и императора, её сына. Собор начал свою работу с принятия решения в отношении епископов-иконоборцев, многих из которых разрешили допустить к участию в работе Собора, приняв их публичное раскаяние. И лишь на четвёртом заседании — по предложению папских легатов, в храм, где заседал Собор, была принесена икона. По итогам работы был принят орос Собора, восстановивший почитание икон и разрешивший употреблять в церквах и домах иконы Господа Иисуса Христа, Божией Матери, Ангелов и Святых, чувствуя их «почтительным поклонением». После закрытия Собора епископы были распущены по своим епархиям с дарами от Ирины. Императрица приказала изготовить и поместить над воротами Халкопратии образ Иисуса Христа взамен уничтоженного 60 лет назад при императоре Льве III Исавре. К образу была сделана надпись: «[образ], который некогда низверг повелитель Лев, вновь

установила здесь Ирина». Решения этого собора вызвали возмущения у франкского короля Карла Великого (будущего императора), и в 792 г. он послал папе список из 85 ошибок, которые были допущены на этом соборе. Помимо прочего, Карл не соглашался с выражением патриарха Тарасия: «Святой Дух исходит от Отца через Сына», — и настаивал на другой формулировке: «Святой Дух исходит от Отца и от Сына». Поскольку слова «и от Сына» звучат по латыни как *filioque*, дальнейшие споры по этому вопросу стали называться спорами о *filioque*. В своем ответе Карлу папа встал на сторону собора. Собор, созванный в Никее в 787-м г., оказался последним в ряду Соборов, признанных Вселенскими Православной Церковью. Таким образом, история Церкви знает семь Вселенских Соборов. В церковном народе бытует мнение, согласно которому Соборов не может быть более семи, значит, с одной стороны, нельзя впредь признать вселенским еще один из прежде состоявшихся Соборов, а с другой — в будущем невозможен созыв нового Вселенского Собора. В православной богословской литературе нашего времени почти невозможно встретить точку зрения, догматизирующую седмичное число Вселенских Соборов. И все же уязвимая спекулятивно мысль о невозможности быть восьмому Собору не была опровергнута более чем тысячелетней историей Церкви.

ПРЕПОДОБНЫЙ АМВРОСИЙ ОПТИНСКИЙ

Александр Гренков, будущий отец Амвросий, родился 21 или 23 ноября 1812 года, в духовной семье села Большие Липовицы Тамбовской Епархии. Окончив Духовное Училище, он затем прошел успешно курс в Духовной Семинарии. В последнем классе Семинарии ему пришлось перенести опасную болезнь, и он дал обет постричься в монахи, если выздоровеет. По выздоровлении он не забыл своего обета, но несколько лет откладывал его исполнение, «жался», по его выражению. Однако, совесть не давала ему покоя. И чем больше проходило времени, тем мучительнее становились укоры совести. Периоды беззаботного веселья и беспечности сменялись периодами острой тоски и грусти, усиленной молитвы и слез. Однажды, будучи уже в Липецке, гуляя в соседнем лесу, он, стоя на берегу ручья, явственно расслышал в его журчанье слова: «Хвалите Бога, любите Бога...» Дома, уединяясь от любопытных взоров, он пламенно молился Божией Матери просветить его ум и направить его волю. Вообще, он не обладал настойчивою волею и уже в старости говорил своим духовным детям: «Вы должны слушаться меня с первого слова. Я — человек уступчивый. Если будете спорить со мною, я могу уступить вам, но это не будет вам на пользу». Изнемогая от своей нерешимости, Александр Михайлович отправился за советом к проживавшему в той местности известному подвижнику Илариону. «Иди в Оптину, — сказал ему старец, — и будешь опытен». Осенью 1839 года он прибыл в Оптину Пустынь, где был ласково принят старцем Львом. Вскоре он принял постриг и был наречен Амвросием, в память святителя Медиоланского, затем был рукоположен в иеродьякона и, позднее, во иеромонаха. Когда отец Макарий начал свое дело издательства, о. Амвросий, окончивший семинарию и знакомый с древними и новыми языками (он знал пять языков), был одним из его ближайших помощников. Скоро после своего рукоположения он заболел. Болезнь была настолько тяжела и продолжительна, что навсегда подорвала здоровье отца Амвросия и почти приковала его к постели. Вследствие своего болезненного состояния он до самой своей кончины не мог совершать литургии и участвовать в длинных монастырских богослужениях. Постигшая о. Амвросия тяжелая болезнь имела для него несомненно провиденциальное значение. Она умерила его живой характер, предохранила его, быть может, от развития в нем самомнения и заставила его глубже войти в себя, лучше понять и самого себя, и человеческую природу. Помогая старцу Макарию в издательской деятельности, о. Амвросий и после его кончины продолжал заниматься этою деятельностью. Под его руководством были изданы: «Лествица» преп. Иоанна Лествичника, письма и жизнеописание о. Макария и другие книги. Но не издательская деятельность была средоточием старческих трудов о. Амвросия. Его душа искала живого, личного общения с людьми, и он скоро стал приобретать славу опытного наставника и руководителя в делах не только духовной, но и практической жизни. Он обладал необыкновенно живым, острым, наблюдательным и проницательным умом, просветленным и углубленным постоянно сосредоточенною молитвою, вниманием к себе и знанием подвижнической литературы. По благодати Божией его проницательность переходила в прозорливость. Он глубоко проникал в душу своего собеседника и читал в ней, как в раскрытой книге, не нуждаясь в его признаниях. Когда это было необходимо, он умел быть взыскательным, строгим и требовательным, применяя «наставление» палкой или же накладывая на наказуемого епитимью. Старец не делал никакого различия между людьми. Каждый имел к нему доступ и мог говорить с ним: петербургский сенатор и старая крестьянка, профессор университета и столичная модница, Соловьев и Достоевский, Леонтьев и Толстой. С какими только

просьбами, жалобами, с какими только своими горестями и нуждами не приходили к старцу люди! Приходит к нему молодой священник, год тому назад назначенный, по собственному желанию, на самый последний приход в епархии. Не выдержал он скудости своего приходского существования и пришел к старцу просить благословения на перемену места. Увидев его издали, старец закричал: «Иди назад, отец! Он один, а вас двое!» Священник, недоумеая, спросил старца, что значит его слова. Старец ответил: «Да ведь дьявол, который тебя искушает, один, а у тебя помощник — Бог! Иди назад и не бойся ничего; грешно уходить с прихода! Служи каждый день литургию и все будет хорошо!» Обрадованный священник воспрянул духом и, вернувшись на свой приход, терпеливо повел там свою пастырскую работу и через много лет прославился, как второй старец Амвросий. Толстой, после беседы с о. Амвросием, радостно сказал: «Этот о. Амвросий совсем святой человек. Поговорил с ним, и как-то легко и отраднo стало у меня на душе. Вот когда с таким человеком говоришь, то чувствуешь близость Бога». Другой писатель, Евгений Погожев (Поселянин) говорил: «Меня поразила его святость и та непостижимая бездна любви, которые были в нем. И я, смотря на него, стал понимать, что значение старцев — благословлять и одобрять жизнь и посылаемые Богом радости, учить людей жить счастливо и помогать им нести выпадающие на их долю тягости, в чем бы они ни состояли». В. Розанов писал: «Благодеяние от него льется духовное, да, наконец, и физическое. Все поднимаются духом, только взирая на него... Самые принципиальные люди посещали его (о. Амвросия), и никто не сказал ничего отрицательного. Золото прошло через огонь скептицизма и не потускнело». В старце в очень сильной степени была одна русская черта: он любил что-нибудь устроить, что-нибудь создать. Он часто научал других предпринять какое-нибудь дело, и когда к нему приходили сами за благословением на подобную вещь частные люди, он с горячностью принимался обсуждать и давал не только благословение, но и добрый совет. Остается совершенно непостижимым, откуда брал отец Амвросий те глубочайшие сведения по всем отраслям человеческого труда, которые в нем были. Внешняя жизнь старца в Оптином скиту протекала следующим образом. День его начинался часа в четыре — пять утра. В это время он звал к себе келейников, и читалось утреннее правило. Оно продолжалось более двух часов, после чего келейники уходили, а старец, оставшись один, предавался молитве и готовился к своему великому дневному служению. С девяти часов начинался прием: сперва монашествующих, затем мирян. Прием длился до обеда. Часа в два ему приносили скудную еду, после которой он час-полтора оставался один. Затем читалась вечерня, и до ночи возобновлялся прием. Часов в 11 совершалось длинное вечернее правило, и не раньше полуночи старец оставался, наконец, один. Отец Амвросий не любил молиться на виду. Келейник, читавший правило, должен был стоять в другой комнате. Однажды, один монах нарушил запрещение и вошел в келью старца: он увидел его сидящим на постели с глазами, устремленными в небо, и лицом, сияющим радостью. Так в течение более тридцати лет, изо дня в день старец Амвросий совершал свой подвиг. В последние десять лет своей жизни он взял на себя еще одну заботу: основание и устройство женской обители в Шамордине, в 12 верстах от Оптины, где кроме 1000 монахинь имелись еще приют и школа для девочек, богадельня для старух и больница. Эта новая деятельность была для старца не только лишней материальной заботой, но и крестом, возложенным на него Провидением и закончившим его подвижническую жизнь. 1891 год был последним в земной жизни старца. Все лето этого года он провел в Шамординской обители, как бы спеша закончить и устроить там все незаконченное. Шли спешные работы, новая настоятельница нуждалась в руководстве и указаниях. Старец, повинувшись распоряжениям консистории, неоднократно назначал дни своего отъезда, но ухудшение здоровья, наступавшая слабость — следствие его хронической болезни — заставляли его откладывать свой отъезд. Так протянулось дело до осени. Вдруг пришло известие, что сам преосвященный, недовольный медлительностью старца, собирается приехать в Шамордино и увезти его. Тем временем старец Амвросий слабел с каждым днем. И вот — едва преосвященный успел проехать половину пути до Шамордина и остановился ночевать в Перемышльском монастыре, как ему подали телеграмму, извещающую его о кончине старца. Преосвященный изменился в лице и смущенно сказал: «Что же это значит?» Был вечер 10 (22) октября. Преосвященному советовали на другой день вернуться в Калугу, но он ответил: «Нет, вероятно такова уж воля Божия! Простых иеромонахов архиереи не отпевают, но это особенный иеромонах — я хочу сам совершить отпевание старца». Было решено перевезти его в Оптину Пустынь, где провел он свою жизнь и где покоились его духовные руководители — старцы Лев и Макарий. На мраморном надгробии выгравированы слова апостола Павла: «Бых немощным, яко немощен, да немощныя приобрящу. Всем бых вся, да всяко некия спасу» (1 Кор. 9, 22). Слова эти точно выражают смысл жизненного подвига старца.

Дорогие братья и сестры! Просьба не использовать приходской листок в хозяйственных целях